

ФИЛОСОФИЯ

САМОСОЗНАНИЕ ФИЛОСОФИИ

УДК 101.1;111

ФИЛОСОФСКИЙ МИНИМАЛИЗМ

© Г. В. Мелихов

Мелихов
Герман Владимирович
доктор философских наук,
доцент
профессор кафедры
социальной философии
Казанский
федеральный университет
(г. Казань)
e-mail: german.melikhov@kpfu.ru

В статье рассматриваются некоторые особенности феноменологически-ориентированной философии, в центре внимания которой находится событие встречи (с изначально-простым). Утверждается, что эта философия неизбежно будет ограничена в своих выразительных возможностях в силу трудности постижения предельных оснований бытия. Минимализм в философии основывается на принципе «минимума концепции»: понимании философии как практики беспрестанного начинания (попытке философствующего снова и снова возвратиться к событию встречи, а не его концепции) и выразительной простоты, сопровождающей описание этого акта возвращения (экзистенциального сдвига «опрошения», «уступания своего места другому»).

Ключевые слова: философия, основания, минимализм, данность, беспредметное, непредвиденное, парадокс.

Философия: полагание оснований

Как определить «минимализм в философии»?

Все на свете имеет свои основания: дом стоит на фундаменте, стол удерживают «ножки», автомобиль, каким бы мощным двигателем он ни обладал, не тронется с места без колес, но что является фундаментом человеческой жизни? На чем стоит мир? Ответы на эти вопросы не столь очевидны. Кто-то считает, что человеческой жизнью управляет экономика и политика, борьба за власть и собственные интересы,

кто-то иной утверждает, что мир приводят в движение ценности милосердия, уважения прав и свобод другого человека, справедливости и просвещенности. Философия призывает задуматься об основаниях собственной жизни: на чем «держится» наша жизнь? Чего мы хотим от (своей) жизни? Размышления над этими вопросами определяют характер взаимоотношений человека с миром: что нас будет привлекать, а что — отталкивать; как мы будем относиться к другим людям, всему живому и т. д.

Основания (в философии) — аксиоматически принимаемые положения (идеи), в которых утверждается связь (единство) всего сущего или отдельного его региона (человеческой жизни и т. д.). В формулировке оснований запечатлена встреча философа с изначальным.

Философы отличаются друг от друга разным пониманием (полаганием) оснований. Эдмунд Гуссерль считал, что основанием, придающим человеческой жизни единство, является то, что он называл «сознанием», имеющим форму «потока», длящегося во времени и знающего себя посредством самосознания или рефлексии. Чем бы человек ни занимался — политикой, экономикой или образованием, его действия будут иметь смысл (для себя и других), если они будут «сознательны», то есть рефлексивны и ответственны. Рефлексия выступает средством осмысления оснований чего бы то ни было.

Мартин Хайдеггер полагал основанием человеческой жизни «бытие» — мир, рассматриваемый как целое. Это означает, что мы в наших действиях должны быть не только сознательны — ответственны и рефлексивны, нам желательно понимать также, что любое наше действие принадлежит не только лично нам, но и определенному «региону мира» — делу, которому мы служим, семье, друзьям и т. д.

Людвиг Витгенштейн утверждал, что мир — это и мир языка человека. Внимательное, рефлексивное отношение к тому, *что* и *как* мы говорим, учит нас избегать ловушек, которые мы сами для себя создаем, невольно участвуя в различных языковых играх.

Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Людвиг Витгенштейн, каждый по-своему, — минималисты в философии. Они не принадлежали некоему направлению в философии — минимализму, не разделяли определенной концепции минимализма. Они были минималистами (в широком смысле) в силу специфики своего (философского) мышления, обращенного к осмыслению оснований.

Почему некоторые философы — минималисты?

Минимализм — тяга к изначально-простому.

Следует различать минимализм как принцип существования (художника и философа) и минимализм как направление в искусстве и философии. Философское или художественное направление создается ради провозглашения и утверждения определенных идей в соответствующем сообществе. В какой-то момент происходит перераспределение энергии: желание *обосновать* оттесняет желание *быть*. Часть — «работа обоснования» — претендует на место целого — «опыта встречи с изначальным». Формулировка бытия («правильная концепция») принимается за само бытие. Философ (художник) отождествляет себя с некой социальной ролью. Естественный процесс усложнения формы вступает

в противоречие с принципом минимализма — тягой к изначально-простому. Умеренный минимализм, минимализм, не проявляющий особого рвения в «работе обоснования» и в социальном самоутверждении, — спутник философствующего, ищущего встречи с изначальным. Довольствуясь минимумом концепции — одной своей идеей, — умеренный минимализм избегает редукции события (встречи) к концепции. В избегании такого рода редукции и состоит суть минимализма: удерживание себя у *просто* — основы всего.

Умеренный минимализм, или минимализм как принцип существования, проявляет сдержанный интерес к простой (лаконичной) форме. Лаконичная форма — один из способов борьбы с языком, навязывающим философствующему свои правила игры. Но нельзя сводить минимализм к лаконизму выразительных форм. Главное в минимализме — обращенность философствующего к изначальному, которое по своей природе *просто*¹ (о «сознании» можно сказать, что оно прежде всего интенционально, о «бытии» — что оно целостно, о «языке» — что он представляет собой активность, «игру»² и т. д.). Минимализм — опора на одно (один максимально абстрактный принцип).

Минималист не абсолютизирует язык (своего или чужого) философствования. Он не принимает игру с формой (языка) за единственно возможное содержание философствования. Язык — необходимая, но функциональная составляющая философского мышления. Форма выражения определена ситуацией («высказывания»). Кто-то считает приемлемой для себя лаконичную форму изложения (Л. Витгенштейн), иной вовсе не заботится о форме³ (Э. Гуссерль), а кто-то, напротив, с удовольствием играет ею (М. Хайдеггер). Философ-минималист наблюдает за активностью языка. Стремясь ограничить его право на доминирование, он прибегает к разным стратегиям «борьбы с языком».

Философ-минималист — «эмпирик», он отталкивается от своего опыта встречи с изначальным, исходя из которого и полагаются основания. Никакая «работа обоснования» не способна в полной мере передать опыт встречи с изначальным. «Работа обоснования» — часть исходного, а часть не может претендовать на место целого. Желание лучшего (логически выверенного и всеохватного) обоснования утяжеляет форму философствования — здесь-то и необходима рефлексивная «борьба с языком», не допускающая редукции события (встречи) к новой его концепции (форме выражения).

Минималистичны те философии, в которых философствование — практика (а не теория) удержания себя подле изначального. Философ-минималист проявляет сдержанный интерес к технике философствования (как «технике удержания» — таков, например, смысл феноменологической редукции), но он не является методологом. Методология — признание в любви к методу; поиск

¹ Изначальное *просто* хотя бы потому, что выражает предельный уровень обобщения, который в соответствии с формально-логическим законом (обратного отношения между содержанием и объемом понятия) предполагает минимум содержания.

² Язык как средство коммуникации («речь») предметен, но как онтологический принцип — изначальное, беспредметен; это чистая идея.

³ Отсутствие заботы о форме — одна из стратегий «борьбы с языком» (при условии рефлексивного отношения к языку, то есть «отсутствие заботы» в этой случае является результатом осознанного и контролируемого решения).

гарантий и ожидаемого результата. Уважение к технике философствования без любви к ней — так можно определить позицию минималиста. Философ хочет ясности относительно «последних вещей», он заморожен всеобщей связностью, простотой и глубиной изначального. Уважение — признание реальных заслуг: применение любой методологии ограничено. Не может быть одного правильного метода на все случаи жизни. Метод — не средство гарантированно скорой и комфортабельной доставки философствующего туда, куда он пожелает. «Техники удержания», коих может быть бесчисленное множество, — инструмент, позволяющий сохранить свой взгляд свежим; инструмент не приобретения (изначального), а освобождения от прошлого и того, что стоит на пути к конечной цели в настоящий момент.

Философом-минималистом будет тот, кто видит свое дело как беспрестанное начинание; кто постоянно ощущает себя новичком в собственной философии⁴, которую он понимает не как теорию бытия или знания, а как практику (одну из возможных) удержания себя подле изначально-простого; практику, которая имеет своей реальной целью не обретение искомого, а открытие себя — преодоление форм своего прошлого, критика собственных оснований, былой «работы обоснования». Феноменологическая редукция Э. Гуссерля, обращение к досократикам М. Хайдеггера, поиск идеального языка ранним Л. Витгенштейном — все это минималистические жесты опрощения, признания философа в любви к изначальному.

Минимализм в философии — тяга к одному (изначально-простому) и сдержанное отношение к созиданию концепций, основанное на различении события (встречи) и его обоснования (несводимости первого ко второму).

«Минимум концепции» — призыв оставаться подле источника; напоминание (себе) о том, что действительно значимо.

Метафизика: философский минимализм в собственном (узком) смысле

В. Соловьев был убежден в том, что основанием человеческой жизни выступает «всеединство», обнимающее собой все. Человек принадлежит не только тому или иному «региону мира», но и тому, присутствуя во всем,

⁴ Исследователь феноменологического движения Г. Шпигельберг насчитал у Э. Гуссерля шесть несхожих значений термина «феноменология», соответствующих разным этапам его творчества, — свидетельство неподобающе вольного (для строгих приверженцев академии) отношения мыслителя к языку своего философствования (см.: *Свасьян К. А.* Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М., 2010. С. 11). В. Бибахин рассказывал об одном ученике М. Хайдеггера, едва ли не в отчаянии воскликнувшем однажды: «В вашей философии, герр Хайдеггер, я всегда ощущаю себя жалким новичком!». На что тот, не задумываясь, ответил: «Точно то же я чувствую каждое утро!» (см.: *Бибахин В. В.* Мир. СПб., 2007. С. 35). Минимализм — редукция себя к одному («сознанию», «бытию») вечно живому началу, обновляющему весь строй нашей мысли. Ср. с высказыванием Л. Витгенштейна: «Моя манера философствовать пока еще всякий раз нова для меня самого, вот почему я вынужден так часто повторяться» (см.: *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Философские работы. Часть I / Л. Витгенштейн. М., 1994. С. 413). «Повторяться», то есть снова и снова возвращаться к исходным принципам своего философствования не как к умозрительной конструкции, а как к живому опыту, снова и снова нас удивляющему.

выходит за пределы всего, являясь основанием, на которое нельзя «встать». «Всеединство» держит «на себе» все, не удерживая ничего⁵.

Гуссерлианское «сознание» — сознание чего-то, оно интенционально или «предметно». Предмет — данность, репрезентирующая некое познаваемое содержание. М. Хайдеггер, отказываясь от понятия «сознание», отвергает укорененную в философской традиции концепцию предметного сознания. Мир — условие (горизонт) любой данности, но сам он данностью (предметом познания) быть не может. О мире мы, безусловно, знаем, но это «знание» — не результат объективирующего познания. Человек «знает» мир, потому что принадлежит ему. Прежде чем «познать» мир, мы должны открыться тому, что есть, — этой ситуации, этим людям, этому человеку, осознавая (ощущая) себя значимой частью целого, а то и самим целым⁶. Открывающее осознание — не рефлексия, но отрешенное созерцание, оставляющее вещи такими, какие они есть, и приносящее в нашу жизнь умиротворяющее чувство (настроение) единства⁷.

Мир как целое имеет «основу»⁸ в человеке, пребывающем в особом состоянии открытости (*Dasein*), позволяющем ему присутствовать в том, что он совершает. Бытие, по М. Хайдеггеру, *дано*, но не сознанию, а человеческой экзистенции. Философия есть прояснение открытого миру человеческого существования, единства человека и мира.

«Всеединство» В. Соловьева не может быть дано ни сознанию, ни человеческому существованию. Концепция *данности* дуалистична: есть то, что дается («предмет»), и тот, кому дается («субъект»). Не человеку дано всеединое, а всеединому дан человек. Метафизика говорит о том, что существует, но не может быть дано; о том, смысл чего не укладывается в голове, не находится в нашей власти и не раскрывается полностью через обращение к любым условиям окружающей жизни.

⁵ Для человека это означает, что у него (до определенного момента) есть выбор.

⁶ Ср. с высказыванием Л. Н. Толстого: «21 Июля. 1870. Все теории философии (новой от Картезиуса) носят ошибку, состоящую в том, что признают одно сознание себя индивидуума (т[ак] н[азываемого] субъекта), тогда как сознание — именно сознание всего мира, т[ак] н[азываемого] объекта, так же несомненно. Человек сознает себя, как весь мир, неиндивидуально, и сознает себя, как человека индивидуума» (цит. по книге: *Бибихин В.* Дневники Льва Толстого. СПб., 2012. С. 235. Человек — сущее, способное «осознавать себя как весь мир», то есть «становится» целым).

⁷ *Единство* в данном случае следует понимать и как *единение* человека с окружающим (миром) и самим собой. Различные формы социальной связи своим истоком, по М. Хайдеггеру, имеют «сознание мира», то есть чувство единства. Стоит также различать чувство единения, инициированное работой созерцания, действительно соединяющее, и не связанные таковой работой всевозможные «чувства гордости», на деле разъединяющие, а не объединяющие людей.

⁸ М. Хайдеггер точен в выражении своей мысли. Он пишет: «...Бытие *как бы* [курсив мой. — Г. М.] имеет основу в некотором сущем, а именно — в *Dasein*. Бытие *дано* [курсив мой. — Г. М.] лишь тогда, когда существует понимание бытия, т. е. *Dasein*» (см.: *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 23. Человек, в каком бы привилегированном состоянии он ни пребывал, не может быть основой бытия; скорее наоборот: бытие удерживает человека (отсюда это выражение «как бы»). Человек, его понимание, — основа *данности* бытия).

Всеединое беспредметно. О нем возможно что-то сказать?

К. Малевич считал, что простейшие формы — наилучший способ выражения беспредметной основы бытия — «вечного покоя», «чистого восприятия». Абстрактное (супрематическое) произведение не связано с реальностью (вещей), оно визуализирует первоначала искусства и художественного творчества⁹. Простейшие формы граничат с отсутствием форм и прямо указывают на беспредметную основу бытия — таково кредо минималистического отношения к форме.

Простая форма не всегда лаконична. Простая форма — та, которая возникает непредвиденно (хотя спонтанное, как правило, немногословно). Если всеединое беспредметно, им никоим образом нельзя овладеть, остается одно: прекратить все усилия по его детальной «разработке» (принцип «минимума концепции»). Если всеединое нельзя предугадать (с помощью философского метода), остается воспользоваться приемом сыщика Аристида Валантэна, полагавшегося на непредвиденное. Умнейший человек своего времени, одержавший много побед, Валантэн знал, что такое разум, и потому знал его границы. Если Валантэн «не мог идти разумным путем, он тщательно и скрупулезно действовал вопреки разуму. Он шел не туда, куда следует: стучался в пустые дома, сворачивал в тупики, лез в переулки через горы мусора, огибал любую площадь, петлял»¹⁰. Все необычное, любая странность привлекала его внимание. Череда очевидно нелепых действий вычерчивала письма неведомого послания, смысл которого до самого последнего момента был ему непонятен, но оно-то — это послание — и привело Валантэна к разыскиваемому преступнику. Валантэн следовал *знакам*. Знаки имели своего творца — неприметного сельского священника о. Брауна. Отцу Брауну — истинно знающему — известно то, что неведомо как сыщику, так и преступнику, но рассказать об этом он не может — один его не услышит, а другой использует знание в своих (неблаговидных) целях. Поэтому о. Браун действовал: для одного он создавал знаки, от другого — скрывал их, ожидая подходящего момента. Когда же такой момент наступил, не знающий поражений сыщик Валантэн и всегда ускользавший от наказания преступник Фламбо смиренно снимают шляпы перед невольно разоблачившим их величие «простецом» — о. Брауном, который, собственно, ничего такого и не хотел — ему нужно было выполнить поручение: доставить сапфировый крест по месту назначения в целостности и сохранности.

Всеединое, как о. Браун, неприметно и просто. Для Валантэна оно имеет форму призыва¹¹. Следовать призыву трудно. Призыв — это вызов: нужно, еще ничего не сделав, уже признаться в своем поражении, уступив дорогу тому, чего как бы и нет, незнакомому. Трудно идти, не зная куда и зачем ты идешь, методически пренебрегая здравым смыслом.

⁹ В своем поиске оснований искусства К. Малевич — философ, мыслящий образами.

¹⁰ *Честертон Г. К. Сапфировый крест // Избранные произведения / Г. К. Честертон. Т. 1. М., 1992. С. 278.*

¹¹ Для Фламбо всеединое в лице о. Брауна — объект манипуляций. Фламбо явно думал, что все, с чем он имеет дело, находится под его контролем, именно он — Фламбо — и есть истинно знающий.

Призыв — это еще и *знак*. Нужно уметь читать знаки. Знак не указывает на совпадение (по модели: «они случайно пришли в такой значимый день, значит, именно с ними, а не с кем-то еще нужно иметь дело»). Концепция совпадения работает, когда она есть ответ на призыв: не обращать внимание на привычно значимое и не торопиться с вынесением вердикта (стремясь быстро решить проблему через подведение ситуации — «пришедших их» — под знаемое — «значимый день»). Валантэн, читая знаки, не ищет совпадений. Напротив, он замечает несовпадения — все то, что расходится с «естественным» ходом вещей, выходит за пределы знакомого.

Всеединое взывает к человеку. Не зовет, удерживая подле себя: следуй за мной и получишь это! Идеологемы, наставления, лозунги — *данности*, говорящие о людях, их желаниях и устремлениях. Всеединое беспредметно, оно ничего не говорит и только ждет отклика. Откликнуться на призыв — бросить вызов самому себе, пытаясь перешагнуть за то, что все так уверенно считают само собой разумеющимся.

Беспредметное говорит с человеком на языке парадоксов, расшатывающих привычные представления. Парадокс — отклик на непредвиденное.

Отвечая на призыв, выискивая несовпадения и несуразности, выжидая подходящего момента и уже ни на что не надеясь¹², Валантэн открывает себя Встрече. Когда же встреча происходит, великий сыщик смиренно снимает шляпу, уступая свое место скромному сельскому пастырю.

Событие встречи не нуждается в словах. Если же кто-то другой (ты сам как другой) вдруг и задумает что-то рассказать о том, что случилось, он скажет об этом так просто, насколько это возможно, — ведь ничего великого и не произошло! О чем здесь говорить?! Нет *предмета* для обсуждения! Просто все встало на свои места.

Беспредметное невыразимо. Метафизик — минималист по необходимости; склонная к выразительной простоте, парадоксальная и образная форма его философствования не являет всеединое, она указывает на сдвиг в бытии философствующего — «опрошение», минимизацию (вплоть до исчезновения) чувства собственного величия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибилин В. В. Мир. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 431 с.
2. Бибилин В. В. Дневники Л. Н. Толстого. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. — 480 с.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Часть I / Л. Витгенштейн. — Москва : Прогресс, 1994. — С. 407–492.
4. Свасьян К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. — Москва : Академический проект : Альма Матер, 2010. — 206 с.
5. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. — Санкт-Петербург : Высшая религиозно-философская школа, 2001. — 445 с.
6. Честертон Г. К. Сапфировый крест // Избранные произведения. Т. 1 / Г. К. Честертон. — Москва : Художественная литература, 1992. — С. 275–287.

¹² Надежда — ориентация на предвиденное. Надеюсь, мы, как правило, хотим чего-то определенного, уже знакомого.